

ББК 81.02

Л.С. Абросимова

**Философские истоки когнитивного подхода
к словообразованию (на материале античной философии)**

L.S. Abrosimova

**Philosophical Background of Cognitive Approach
to Word-Formation (on the Basis of Ancient Philosophy)**

Предпринята попытка найти истоки когнитивного подхода к трактовке вопросов теории номинации, теории значения, проблем словообразования на материале античной философской мысли. Такой подход, по мнению автора, позволяет обнаружить интенции современных исследований в области когнитивных процессов словообразования в рамках античной классики философской мысли как одной из наиболее устойчивых парадигм европейской научной культуры.

Ключевые слова: когнитивный подход, словообразование, античная философия, диалектика словообразования.

Наблюдаемый всеми интерес к языку заставляет лингвистов по-новому оценить тот вклад, который был сделан философами более чем за 2,5 тысячи лет своего развития в вопросах, касающихся рефлексии над языком, становления понятийного аппарата лингвистики, интуиций в области словообразования и теории наименования. Ни один серьезный лингвист-исследователь не обходит своим вниманием достижения философской мысли, открывая и переоткрывая в свете современных проблем опыт прошлого. Грекам мы как европейцы обязаны не только своими системами письма, но и философией языка, риторикой, поэтикой, стилистикой. Значительная часть современных теорий значения, теории номинации и словообразования «не только явственно коренится в семантических и семиотических идеях античности и средних веков, но по существу сводится к переформулированию этих идей в новых (а порой и в старых, но частично переосмысленных) терминах» [1, с. 31].

Мы попытаемся прочесть и осмыслить наследие античной философской культуры под таким углом зрения, чтобы заручиться поддержкой авторитетов древности при решении тех проблем, которые составляют сферу наших научных интересов – проблем когнитивной природы словообразовательных процессов. Таким образом, для нас обращение к философии – это не дань моде и не демонстрация научной эрудиции, это настоящая необходимость. Известно, что порой новое зримо открывается в древних пластах культуры тогда, когда накопленный опыт и достижения всей

The author makes an attempt to find the origins of the cognitive approach to considering the questions of the nomination theory, the theory of meaning and the problems of word-formation on the basis of antique philosophy. According to the author such approach allows to reveal the intentions of contemporary cognitive research in the field of word-formation within the limits of philosophical antique classics as one of the steadiest paradigms of the European scientific culture.

Key words: cognitive approach, word-formation, ancient philosophy, word-formation dialectics.

науки в целом задают такой угол зрения, что позволяют нам увидеть то, что для людей прежних эпох было terra incognita. Попробуем представить, что, например, означал атом для одного из основателей античного атомистического материализма – Демокрита. Для него атомы – это геометрические тела, «фигуры», вечные и неразрушимые, двигающиеся в различных направлениях, из «вихря» которых образуются как отдельные тела, так и все бесчисленные миры. А теперь вспомним, что такое атом в современной научной картине мира. Разница большая!

Сегодняшнее видение проблемы номинации имеет глубокие корни не только в истории философии, но и в мифологии, с которой философия имеет родовую связь. Сама постановка вопроса «о правильности имен», вылившаяся в знаменитый спор древнегреческих мыслителей, была весьма революционной, поскольку в определенном смысле порывала с мифологической традицией. Как известно, возникновению философского и научного знания в Греции предшествовало «мифологическое знание», укорененное в жизни греческого рода и воспроизводимое в ритуальных практиках и священных преданиях. Двумя фундаментальными характеристиками мифологического мировоззрения, с которыми и порывает философия, были: во-первых, нерасчлененность в мифе вещного и социального, слова и вещи, предмета и знака, субъекта и объекта, причины и следствия и прочего, и, во-вторых, убежденность в истинности содержания мифа, надежность, которая усматривалась в глубокой

традиции и по этой причине являлась предметом веры, а не критики. Сама форма спора, понятно, предполагает критическое отношение к предмету и возможность отрицания тех положений, которые составляли ранее предмет веры.

Итак, обратимся к платоновскому диалогу «Кратил». Как известно, Платон был учеником Сократа и унаследовал от своего учителя любовь к диалогу, считая его прекрасным способом поиска истины. Большинство работ Платона написаны в форме коротких диалогов, в которых некоторые персонажи были вымышленными, а некоторые – реальными современниками Платона, например Сократ, Парменид и др. Иногда Платон высказывался прямо по тому или иному вопросу, иногда прятал свою позицию, называясь другим именем. В данном диалоге Платон свел в споре трех персонажей – Кратила, Гермогена и Сократа. Спор шел о том, является ли связь между предметом и его названием «природной», естественной или эта связь базируется на принятом людьми соглашении, на «законе».

Кратил (ученик Гераклита) отстаивал позицию, что всякая вещь имеет «правильное имя, врожденное от природы» [2, с. 36]. Гермоген (ученик знаменитого софиста Протагора) защищает тезис о том, что «никакое имя никому не врожденно от природы, но принадлежит на основании закона и обычая тех, которые этот обычай установили и так называют» [2, с. 37]. Гермоген считает, что каждый человек может именовать вещи в соответствии со своим собственным выбором, фактически сводя именование вещей к простому договору и соглашению. Именно данное положение, высказанное Гермогеном, означает отказ от мифологического способа понимания мира и неоднократно возобновлялось в последующие времена как противостояние различных философских школ. Несмотря на различия в формулировках, адепты гермогеновской точки зрения были уверены в том, что «природа и формы человеческой жизни податливо готовы принять все виды, какие заблагорассудит им дать произвол человека» [3, с. 5].

Какова же позиция Сократа? В этом споре он выступал судьей. Не разделяя мнения Кратила, Сократ не склонен был во всем поддерживать и Гермогена, считая его позицию достаточно опасной. Общество, в котором люди не будут соглашаться с едиными общепринятыми положениями и следовать в соответствии с ними, неминуемо опрокинется в хаос. Для каждого человека каждая вещь существует по-своему – что может быть опаснее такого суждения? Это мнение софистов Сократ категорически не принимал и считал, что «вещи сами по себе обладают некоторой прочной сущностью безотносительно к нам и независимо от нас» [2, с. 39]. Более того, слово нужно правильно создавать и использовать, дабы не нарушить порядок в обществе и исключить путаницу.

Платон устами Сократа в диалоге с Гермогеном интересуется, как происходит создание слова и кто является его автором. По Сократу, слово создает законодатель – «номотетес», следуя некоторому «образцу», и он должен как можно ближе приблизиться к истинной сущности вещи, чтобы в слове угадывалась заключенная в ней идея вещи. Вещи находятся в процессе постоянного становления и текучести, следовательно, продолжаем мы рассуждения Сократа, слово должно быть достаточно гибким, чтобы не «задушить» вечное движение материального мира. С точки зрения словотворчества первые именованья, или «первые слова» (здесь мы приводим терминологию стоиков, о которых скажем ниже), сохраняют свою чувственную, осязаемую, прямую связь с предметами, отражая их сущность, под которой могут полагаться как способы включенности предмета в человеческую деятельность, так и их функциональная или ценностная окраска и т.д.

Интуиции Платона о чувственной связи слова и вещи можно проиллюстрировать. Так, слово основного словарного фонда английского языка *arrow* (стрела) в данный момент не отражает видимой связи с исходным *arcus* (лат.), что означает «арка», «дуга». Существительное *arrow* является производным словом, т.е. первичной немотивированной единицей номинации. Исходное *arcus* (лат.) явно имело чувственную связь с образом, т.е. с траекторией полета стрелы, которая, будучи выпущенной из лука, летит по дуге.

Такие простые производные слова основного словарного фонда представляют собой базу для образования новых слов и являются «главной устойчивой материальной и структурной основой обогащения и развития словарного состава языка. Необходимость различения устойчивых, более или менее «константных», постоянных элементов словаря языка и элементов неустойчивых, находящихся в непрерывном изменении, давно уже осознавалась и привлекала к себе внимание» [4, с. 47].

Теперь остановимся более подробно на английском производном существительном *hawkeye* (соколиный глаз), которое является результатом словосложения, высоко мотивировано и имеет значения: 1) пронзительный человек и 2) Соколиный Глаз – прозвище жителя штата Айова, известного как Штат Соколиного Глаза [Hawkeye State] [5]. Первое значение построено на метафорическом переносе по способности хорошо видеть. Сегодня известна компьютерная система «hawkeye», которая предполагает дополнительный просмотр фрагментов спортивных состязаний по теннису, крикету с целью отследить передвижение мяча и разрешить возникающие спорные моменты и которая была впервые введена на Уимблдонском теннисном состязании в 2001 г. (На данном этапе идут переговоры о применении подобной системы в футболе, хотя эта

инициатива и встречает сопротивление бюрократов ФИФА.) Такая прозрачность и высокая мотивированность, т.е. семантическая выводимость производного слова из значения мотивирующего слова, становится причиной все большего количества новых значений, еще не зарегистрированных в словарях. *Hawkeye* также обозначает: новый диагностический инструмент для всех автомобилей марки Land Rover; американский палубный самолет дальнего радиолокационного обнаружения и др. Таким образом, не только «первые слова» могут сохранять «свою чувственную, осязаемую, прямую связь с предметами, отражая их сущность», но и производные, состоящие из отсылочной и формантной частей.

Вернемся к Античности в логике наших рассуждений. Перед нами фигура Платона, основателя философского идеализма. К сожалению, Платон не оставляет нам представления о том, как работает (творит) номотетес и в каком облики он выступает, — не это является целью его размышлений. Его цель совершенно другая, а именно мысль о том, что слово само по себе вскрывает сущность вещи, только если оно соединяется, «сплетается» с другими именами, а это обнаруживается только в их соотношении с речью, с логосом (в этом смысле термин «логос» встречается у Демокрита, определяется им как «сплетение имен»). Именно в человеческой речи обнажается суть вещей. В связи с этим будет уместно вспомнить о сократовском стиле философствования, который называется майевтикой, что означает «повивальное искусство».

Благодаря близости позиций Сократа и Платона и в силу их дружбы можно сделать вывод о том, что Платону был понятен этот сократовский стиль философии. В чем же суть этого стиля и какое он имеет значение для нашего исследования, для понимания и описания условий возникновения лексических единиц? Майевтика мыслилась Сократом как вид повивального искусства, унаследованного им от своей матери-повитухи, с той только разницей, что Сократ с помощью своего метода помогал разрешиться от бремени не женщинам, а мужчинам, и рождали они не дитя, а истинное знание. Себе он отводил в этом процессе более чем скромную роль, уверяя всех, что сам он пуст и никого ничему не научит, а каждый рождает свое знание сам, если носит в своем чреве его плод. Можно трактовать это таким образом, что имена или слова рождаются не вдруг и не только механическим прибавлением деривационных аффиксов, словосложением или усечением, а посредством «прорастания» их на почве существующего опыта, человеческой деятельности, культуры в целом.

Чтобы проникнуть в природу вещей, недостаточно иметь перед собой слово как слово, требуется рассуждение. Майевтика — это и есть способ, посредством которого Сократ учил своих учеников добывать ис-

тину, считая, что истина может быть добыта только в результате собственных усилий через рассуждение, что и предполагает «сплетение имен». Он утверждал, что в начале беседы по необходимости всегда исходят из всем понятных, а потому и самых простых и наглядных положений, имеющих преимущественно чувственный характер. Но, по мере развития диалога мысль движется от наглядности и чувственности к скрытым, сущностным свойствам и признакам обсуждаемых вещей, доходя, в конце концов, до такой вещи, в которой искомое свойство представлено само по себе, не в относительном, а в абсолютном смысле. Орудием такого рассуждения является слово, поскольку только через него вещи соединяются с идеями.

В «Логике» Аристотеля мы можем обнаружить определения основных семантических понятий и категорий, с которыми сейчас имеют дело лингвисты. По Аристотелю, за темой стоит некоторая субстанция, а ремой является предикат, который есть знак того, что говорится о субстанции или существует в субстанции. Только в соединении темы и ремы слова перестают быть застывшими знаками, а становятся живой человеческой мыслью.

Применительно к современному этапу развития учения о словообразовании темо-рематическая концепция остается, безусловно, актуальной, так как любой конкретный деривационный механизм опредмечивает акт мыследеятельности в вербально-знаковой форме, представляя его в виде *двучленной структуры, элементы которой связаны предикативными отношениями*. Под таким углом зрения как структура, так и семантика деривата могут быть представлены как пропозициональная функция, разложимая на тематический и рематический элементы [6] (см. работы, в которых делается попытка применить теорию актуального членения к словообразованию, в частности: [7]). В пределах морфемной структуры слова корень можно рассматривать как тему, а аффикс — как рему.

Сходные отношения можно, на наш взгляд, проследить и в пределах словообразовательного детерминированного значения лексемы, где типизирующее словообразовательное значение является темой, а индивидуальное словообразовательное значение — ремой. В основе таких отношений, вне всяких сомнений, лежит специфика семантики и функционирования корневой морфемы в индоевропейских языках.

Античный период в развитии взглядов на формирование семантических теорий завершается философской школой стоицизма. Свое имя эта школа получила по названию портика Стоа Пойкиле, что буквально означает «красной портик». Наиболее яркими представителями данного философского направления являются Зенон из Китиона, Диоген Лаэртский, Сенека, Клеанф, Эпиктет.

Лингвисты-семиотики конца XX в., в частности американский ученый Т.А. Себеок и российский

и американский лингвист и литературовед Р.О. Якобсон, именно стоикам отдают приоритет в формировании понятий, составляющих корпус современной семантической науки. В отличие от Платона и Аристотеля, стоики начали последовательно рассматривать содержание высказывания не только как сочетание абстрактных понятий, родовых и видовых сущностей, но как нечто единое целое, как слияние понятий, чувственных представлений и эмоций живого человеческого существа.

Таким образом, по нашему мнению, в учении стоиков можно найти некоторые попытки уяснения когнитивных особенностей словообразования. Здесь необходимо заметить, что произведения стоиков дошли до нас во фрагментах, цитатах и трактовках более поздних философов. Основные источники взглядов стоиков на язык и принципы исследования языковых феноменов можно найти у Диогена Лаэртского в его труде «Жизнь и учения знаменитых философов» и в трактате Варрона «О латинском языке», в сочинениях Секста Эмпирика и др. По этим изложениям не всегда возможно определить, кому из стоиков принадлежат некоторые идеи в области языка, и поэтому сегодня принято говорить о тех или иных взглядах стоической школы вообще.

Итак, выдвинутые ими четыре категории, как нам представляется, могут быть задействованы в описании диалектики словообразования. На первом этапе мы имеем дело с вещью. На втором возникает представление, которое образуется либо в результате деятельности разума, тогда перед нами «эннойя», либо в результате чувственной обработки вещи в душе человека, и тогда мы имеем дело с «фантазмами». Далее возникает слово, или «фоне», – членораздельный звук, служащий для обозначения предмета. Последний этап – возникновение «лектона». Лектон, с точки зрения стоиков, есть среднее, что лежит между обозначаемым и обозначающим. В отношении к обо-

значаемому лектон – это представление, а по отношению к обозначающему – это смысл слова. Стоики впервые указали на несовпадение между смыслом слова и представлением, что впоследствии нашло отражение в теории о внутреннем и внешнем слове (логосе). Мысль гораздо богаче и насыщеннее, чем слово, которое ограничивает наши мысли.

Интересен историко-филологический анализ, проведенный А.Ф. Лосевым в фундаментальной работе «История античной эстетики. Ранний эллинизм» [8]. Лектон представляется им как система смысловых отношений. В таком значении лектон – не только предметно соотношенное слово, но и «содержательная сторона функционально-языковых категорий, конституирующих высказывание».

Другие из интересующих нас рассуждений стоиков касаются выявления связи между словом и предметом. Стоики настаивают на том, что можно выявить внутреннюю, природную связь между ними и что изучение звуковой стороны слов может привести нас к обнаружению сущности предмета. Они различали «первые слова» и слова позднейшие, которые возникли из первых по мере изменения их значения, звуковой формы, моделей словообразования. Согласно учению стоиков истинная связь между звучанием слова и его значением характерна только для «первых слов», созданных древнейшими людьми. Это было подтверждено уже в ходе современных исследований, проведенных лингвистами (например Романом Якобсоном, Ежи Куриловичем) в середине XX в., касающихся звукоподражательной лексики, в которой наиболее явно присутствует связь между звучащим словом и предметом.

Таким образом, на относительно ограниченном пространстве – в лоне античной философии – можно в удивительно концентрированном виде найти интенции современных исследований в области когнитивных процессов словообразования.

Библиографический список

1. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). – М., 2001.
2. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. и с предисл. О.М. Фрейденберг. – М.; Л., 1936.
3. Потебня А.А. Мысль и язык. – М., 2007.
4. Виноградов В.В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.
5. The New Shorter Oxford Dictionary on Historical Principles. Oxford, 1993.
6. Ryder M.E. Bankers and Blue-Chippers: an Account of -er Formations in Present-Day English // English Language and Linguistics. – 1999. – №3.
7. Lieber R. Morphology and Lexical Semantics // Cambridge Studies in Linguistics. – Cambridge, 2008.
8. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. Т. V. – М., 1979.